

«Небо отнять невозможно». Священник Вячеслав Перевезенцев — об онкологии, науке утешения и жизни без будущего

01.12.20

У священника Вячеслава Перевезенцева глиобластома. Несмотря на операцию и курс химиотерапии, болезнь не отступила, через год врачи сообщили о рецидиве. «Правмир» поговорил с отцом Вячеславом и его женой Дарией Архиповой о том, как продолжать жить с онкологией и не бояться быть откровенными с близкими людьми.

В комнате так тихо, что каждый щелчок фотоаппарата слышится особенно четко. На двух высоких стеллажах стоят диски с аудиокнигами: Тургенев, Набоков, Толстой, Честертон, Хемингуэй, Маркес, Сент-Экзюпери... Из-за болезни отцу Вячеславу трудно читать глазами. О своем здоровье он говорить не любит, поэтому отвечает коротко: «Хорошо себя чувствую, ничего не болит». Во время беседы смотрит либо на вазу с гортензией, либо на цифровое пианино у окна — по утрам его дочь занимается музыкой.

— Мы были к этому готовы, — вспоминает он день, когда узнал о рецидиве. — Врачи не обещали, что я быстро пойду на поправку. Молодцы.

Я знал, что, скорее всего, что-то произойдет. Надо было опять лечиться. Мы вскочили в последний вагон, потому что эпидемия была уже в самом разгаре. В Германии все закрыли, чудом удалось туда улететь, а обратно в Москву пришлось возвращаться через Италию. Ну и слава Богу, дома-то лучше. Сейчас нет лучевой терапии. Сколько раз мне ее сделали... Как я понимаю, уже больше нельзя. А химиотерапия идет. Я езжу в больницу, мне ставят капельницы, я принимаю лекарства.

— О чем вы чаще всего думаете после того, как наступил рецидив?

— Нужно думать о каких-то бытовых делах, ведь жизнь не уходит в сторонку. Но в более широком смысле... (Взгляд на клавиши.) Вот сейчас будет день рождения дочери. Я думаю о ней, о ее будущем. О том, как она сможет пережить, если мне придется уйти. И это будет очень трудно.

Но я не впадаю в панику или тревогу. Стараюсь найти в себе силы и как-то положиться на Бога. Знаю, что Господь не оставит моих близких без утешения. Очень на это надеюсь и об этом Его молю. Но не думать не могу. Потому что самое тяжелое то, что происходит не с тобой, а с теми, кого ты любишь, кто тебе дорог. Да... Но еще раз, я не заиклен на этом. Знаете, бывает так, что какая-то мысль тебя пленяет и ты не можешь вырваться. Нет, это не то. Слава Богу, у меня такого никогда не было.

Одна из особенностей того, что я переживаю, — не только я, это вообще характерно для смертельно больного человека... Раньше перед тобой была огромная перспектива, пространство, которое уходит вдаль и сливается с горизонтом. А теперь такое впечатление, что горизонт обрезали. С одной стороны, это несколько облегчает жизнь. Потому что обрезано много суетного, ненужного, пустого. Но это очень непривычно. Очень тяжело жить вот так — без будущего.

Но мне кажется, в каком-то смысле, это хорошая аскетическая установка. Потому что горизонт переносится из одного плана в другой, из внешнего — во внутренний, из земного — в то, что превышает земное.

Вольно или невольно ты выбираешься в небо, потому что больше у тебя ничего нет.

Все отнято. А небо отнять невозможно. Ты можешь его только сам потерять. И это очень страшно. Не хочется утратить ощущение неба. Пока мне удастся жить этим воздухом с Божьей помощью.

Так оно устроено, что нас иногда засасывает суетный, поверхностный мир. Болезнь все это стирает. Все уже... иначе. Как говорят святые отцы, во время болезни труднее грешить. Не знаю, не соглашусь. Просто грехи становятся другие. Но что-то правда труднее делать. Не только хорошее. Но и какой-то ерундой заниматься невозможно. И слава Богу. Еще бы удавалось никого не огорчать...

Человек в болезни становится капризным. Наверное, не всякий, но я. Таким, знаете, требовательным порой. Ну и просто даже физически больше зависишь от других людей. И тем самым их обременяешь. А хочется, наоборот, чтобы не мои бремена носили, а чтобы я — чьи-то.

«Слава Богу за все»

— Что вы почувствовали, когда в первый раз не служили?

— И раньше иногда бывало, что я мог по болезни или по каким-то другим обстоятельствам оказаться в воскресный день вне храма. Тогда я ощущал, что лишаю себя чего-то не просто важного, а самого важного. То же самое и здесь.

Когда есть силы, я стараюсь бывать в храме. Просто хотя бы сидеть в алтаре — молиться и причащаться. Стараюсь встречаться с прихожанами, если им нужна моя помощь: или исповедовать их, или просто с ними беседовать. Люди приходят ко мне домой, я доступен, стараюсь никому не отказывать.

Конечно, мне хочется служить, но сейчас я понимаю, что в таком состоянии подведу других людей, и это немного смягчает мою утрату. Я хожу еле-еле. Мне тяжело стоять, могу упасть. Вообще говорить тяжело. Понимаю, что все случается по воле Божьей. Значит, надо потерпеть.

— Но ведь сложно сказать: «Слава Богу за все», когда ты тяжело болен.

— Очень часто я говорю совершенно другие слова... «Господи, помоги! Спаси и сохрани. Заступи и помилуй Своей благодатью». Вот эта молитва чаще вырывается из души. Но, скажем так, в трезвом уме я, конечно, осознаю, что должен благодарить Бога за все — и в моей жизни, и вообще. И поэтому, например, мне так важно быть на литургии.

Литургия — это таинство благодарения. Там все пронизано этим настроением, этим духом благодарности Богу за Его любовь, за Его милость, за Его прощение. И ты не просто об этом помнишь, ты это переживаешь. Вот почему так хочется быть в храме в воскресенье. И так тяжело, когда ты этого лишен.

Как продолжать жить с онкологией

Автор: Admin

01.12.2020 10:16 - Обновлено 07.12.2020 13:26

После того, как узнал о своей болезни, я часто вскакивал в два часа ночи и бежал молиться, потому что не молиться не мог. Мне было так хорошо, я никогда раньше так не молился! Правила утренние, вечерние, акафист «Слава Богу за все»... Я его всегда любил, но в эти дни полюбил особо. Потрясающий текст. Душа как бы воспаряет... Ставил его на телефоне в исполнении монахов Валаамского монастыря. Было ощущение какой-то удивительной, неземной жизни.

Иногда вспоминаю Иова. Но не в контексте личной истории, а в контексте какого-то назидания. Себя не могу соотнести с этим великим праведником. Нет. Не то чтобы мне далеко до него... мне очень далеко. И по тем обстоятельствам, в которых я нахожусь и в которых был он, и самое главное, конечно, по той вере, которая была у него и которая есть у меня. Это невозможно сравнивать.

— Как изменилась ваша жизнь после болезни?

— Она почти не изменилась. По крайней мере, стараюсь жить той жизнью... хотя иногда это сложно физически. Мне, например, сейчас трудно читать. Раньше никогда не расставался с книгой. А сейчас зрение такое стало... не то что не вижу или не получается сконцентрироваться. У меня сбиваются строчки. Ну и писать тоже почти не могу — даже на компьютере, на телефоне.

Раньше, в начале болезни, я старался много писать. Сейчас мне тяжело. Даже не столько физически — хотя и физически тоже, — но и почему-то пропало желание. Как только заболел, оно, наоборот, обострилось — хотел писать каждый день, делиться... Не я понуждал себя, а меня что-то изнутри понуждало встать пораньше, помолиться, потом сесть за iPad и начать писать, как бы разговаривая, продолжая диалог с людьми, с которыми не мог видеться. Сейчас все по-другому. Не знаю, что случилось. Ощущение, что не о чем говорить.

А так жизнь строится, как у каждого человека. Слава Богу, в ней есть время и место для молитвы. Для общения с близкими, друзьями, просто с людьми. Стало меньше земных забот, потому что просто не могу в них участвовать. Я благодарен безмерно моим близким, моей супруге Даше... Раньше мы все распределяли поровну, на мне были какие-то мужские обязанности, а теперь все на ней. Но ничего, мы справляемся. Вернее, она справляется. Я стараюсь хотя бы не мешать, не обременять лишней раз. Но не всегда получается. Помимо всего этого она несет мою тяготу в буквальном смысле слова. Мою тяжесть, мою немощь... она не столько на мне сейчас, сколько на ней. Дай Бог ей сил. Благодарю Бога за то, что она рядом со мной. Как говорит апостол Павел: «Друг друга тяготы носите».

Важно быть не первым, а вторым

— Дария, от какого чувства вам хотелось сбежать?

— Страх, в первую очередь. И чувство жалости к себе. Татьяна Касаткина очень хорошо говорит в своих лекциях по романам Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы», что важно быть не первым, а вторым. Когда ты первый для себя самого, то все твои эмоции направлены на себя. Соответственно, если что-то не получается, ты расстраиваешься, раздражаешься. А если ты чуть-чуть пытаешься уйти с роли первого, то фокус внимания автоматически смещается. В тот момент, когда я что-то делаю для другого человека, у меня не возникает мыслей, что я такая несчастная или что я останусь одна.

А ведь наши мысли очень важны. У евангелиста Матфея сказано: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Так вот, если перефразировать: «Где мысли ваши, там будет и сердце ваше». Есть такая банальная вещь — жить здесь и сейчас. Если ты вспоминаешь о прошлом или думаешь про будущее, то жить «здесь и сейчас» невозможно, потому что прошлого уже нет, а будущего нет еще. Когда близкий человек тяжело болен, думать про будущее боишься, страх тебя парализует и делать ты ничего не способен — не способен даже дышать. Если ты думаешь о прошлом... Тебе не страшно, но обидно.

— И стыдно, — задумчиво добавляет отец Вячеслав.

— Ну почему стыдно? Кому как (усмехается). Но обидно точно, что этого удивительного времени уже не вернешь. Кажется: вот, какое счастье, как все было замечательно, а теперь такая напасть, в будущем только боль. В общем, опять депрессия. Такая жалость к себе и страх — чувства далеко не позитивные, скорее разрушительные. С ними можно

только просуществовать, а вот прожить — вряд ли.

Есть еще одна опасность, когда мы ухаживаем за тяжелобольным родным человеком, — срастись с его ощущениями и страдать его страданиями. Сейчас-то отец Вячеслав передвигается относительно спокойно: ему надо помогать, чтобы он не упал, но тем не менее. А вот после первого лечения, после операции было очень тяжело. И в такой ситуации я заметила, что очень важно не влиться в это страдание. Потому что если ты наступаешь на эти грабли, то получается два страдающих человека, ни один из которых не в состоянии предпринимать никаких шагов. А сам страдающий в такой ситуации лишается поддержки.

Когда помогаешь, обычно хочется, чтобы сказали «спасибо». На самом деле, если ты этой благодарности ждешь, то очень сложно бывает, когда ее не получаешь.

А когда человек болеет очень сильно, не нужно думать, что он будет тебя благодарить за каждый стакан.

Если ты не ждешь, тогда не возникает и фрустрации, которая обычно ведет либо к

агрессии, либо к депрессии.

Момент фрустрации... бывает очень сильный. Например, не далее чем вчера (смотрит в сторону мужа). Отец Вячеслав не любит засыпать один. А у меня дел столько, что лечь в одно и то же время для нас очень маловероятно. Но тем не менее я понимаю, что он расстраивается. Безвыходная ситуация. Все переживают. Один не получает то, что он хочет, другой переживает за то, что не может этого дать, и думает: «Ах, я бедный-несчастный, мне нужно столько всего успеть, а он еще чего-то просит». А на самом деле все просто решается. Можно распланировать свой день, чуть-чуть изменив его. Можно лечь пораньше и встать пораньше, разницы нет. Зато, если ты спланировал заранее жизнь иначе, тебя не будет мучить ощущение, будто ты чего-то не успел, и фрустрации не возникнет.

— Как сообщить ребенку диагноз его отца?

— Дети переживают не меньше, чем кто-то другой. Сначала, когда диагноз неясен, нельзя ничего рассказывать. Если подросток живет в семье и если с ним родители общались, то, по идее, он все понимает. Ребенка нужно охранять от стресса не тем, что ты ему врешь и говоришь, что ничего не происходит и что все рады и счастливы (видит-то он другое), а тем, что ты пытаешься дать ему ресурс.

Ребенок должен понимать, что у него есть какая-то поддержка от взрослого. Он расслабляется и тогда может поделиться своими переживаниями. А если не поделиться, то хотя бы почувствовать, что он не один. Ребенку — я говорю про подростка, потому что у меня подросток, — бывает даже труднее, чем его маме.

— Вы откровенно обсуждаете с мужем тему его болезни. Как переступить барьер и сказать близкому человеку о своих страхах?

— Очень сложный вопрос и очень важный. Бывает, когда взрослые люди боятся сказать все как есть. Оба понимают, что болезнь может привести к смерти через определенное время, но живут так, будто ничего не происходит. Тело и психика говорят правду, а человек врет сам себе.

Если вы 30 лет разговаривали друг с другом откровенно, то барьера и не будет. А если вы 30 лет молчали, то одному справиться крайне трудно... В стрессовой ситуации мы действуем по привычке. Когда я хорошо себя чувствую, когда все спокойно, я поступаю рационально. Но как только я оказываюсь в стрессе, я иду по кругу с наименьшим сопротивлением и делаю так, как привыкла. И если я 30 лет ни с кем не говорила, то вряд ли я смогу это сделать потом.

Наука утешения

— Отец Вячеслав, вы любите слова Марка Аврелия: «Не смерти должен бояться человек, он должен бояться никогда не начать жить». Как вы их понимаете и почему они для вас имеют такое большое значение?

— Это вообще очень серьезная тема. Не только для меня, но и для всех людей, как мне кажется. К ней возвращались многие мыслители. Важна не просто жизнь сама по себе, а то, чем ты ее наполняешь. Хороший вопрос: то, как ты живешь, — это жизнь или еще не совсем? Сколько жизни в вашей жизни?

Есть такая притча. Где-то в горах было очень странное кладбище. Когда один путешественник туда попал, он очень удивился, увидев даты на надгробных камнях. Судя по надписям, люди жили очень мало: год или два. Он обратился к смотрителю и спросил, почему здесь хоронят только младенцев? И тот ему объяснил, что не каждый день или год твоей жизни можно считать жизнью. Это большой духовный вопрос. Ведь жизнь — Божий дар. В нас есть и жизнь животная, и жизнь какая-то совершенно иная. В чем она состоит? Где мы проявляем себя как образ Божий, а не просто как одно из существ, которое спит, ест, пьет, размножается, строит себе жилище, заботится о ком-то?

Божие в человеке — вот это и будет жизнь.

И речь необязательно идет о творчестве, хотя оно очень многообразно. Человек, который ухаживает за своим садом, поливает цветник, он тоже занимается творчеством. Или человек, который растит ребенка. Разве это не творчество? А человек, который растит себя? Каждый являет признак к тому, чтобы стать творцом своей души. Как сказано у святителя Иоанна Златоуста: «Я сотворил, — говорит Господь, — прекрасное тело, даю тебе власть создать нечто лучшее, сделать прекрасною душу». Образ Божий — то, что есть в каждом из нас. А подобие — это не просто синоним образа. Это нечто иное. Это то, к чему мы призваны. То, что задано человеку. Мы призваны к тому, чтобы этот образ не похоронить и не спрятать его в глубинах своей природы, а развить, раскрыть.

Помните притчу о талантах? Собственно, она про это. Талант — это не только способность писать стихи или, не знаю, делать скульптуры. Талант есть у каждого человека, и талант этот чисто духовный, религиозный. Он связан с тем, чтобы приготовить душу к вечности, к Царству Божию. И Господь приходит в этот мир для того, чтобы помочь нам. Вот как важно нам знать и выполнять то, что Он говорит. По большому счету, нет разницы, что мы делаем. Это могут быть простые, обыденные, земные вещи, если есть эта перспектива... Потому что все, что ты ни делаешь, оставляет след в твоей душе. Простите, может, я скатился в проповедь. Такая профессиональная деформация.

— К вам в храм часто приходили люди с онкологией. О чем вы с ними говорили?

— Вы знаете, наука утешения — целая специальность. Хочется сказать: «Ну ничего, все пройдет, все образуется». Нам кажется, что мы так помогаем людям, но это далеко не всегда верно. Скорее как раз наоборот. Человек пришел со своей болью, на него обрушилось ужасное известие, ему страшно, а мы говорим: «Ничего...» То есть мы как бы отрицаем его страх и его самого. А для него сейчас, кроме этого страха, ничего не существует. Мы как бы отталкиваем его, сами того не желая. И поэтому очень опасно и неправильно так утешать.

Что остается? Я не знаю. Найти какие-то другие слова: «Невозможно представить, как тебе сейчас тяжело, но ты не один, я буду рядом. Мы, твои близкие и друзья, будем молиться. Господь не оставит. Он часто говорит, что, когда человеку трудно, Он приходит на помощь. Ты же помнишь, что так было не раз, и так будет и дальше».

Нам часто кажется, что Бога можно встретить, только когда нам хорошо. Но бывает и по-другому. Когда Он пришел к Своим ученикам — недавно мы слышали это Евангелие в храме — среди ночи, во время бури, лодку стала захлестывать волна. И Он сказал: «Маловеры!» Почему Он так выразился? Конечно, это совершенно естественно — испугаться и просить о помощи. Но страх несовместим с верой, вера — это преодоление своих страхов. Верующий может ступить туда, куда страшно ступить, потому что он полагается на Бога. Знаете, есть такое упражнение, когда человек стоит спиной к другому и падает назад. Очень тяжело падать назад, потому что ты не видишь и не чувствуешь, что там. Это упражнение на доверие.

Мы вступаем в неизведанное, не прячась от своего страха. Нужно заглянуть ему в глаза.

Вера и есть то, когда мы, несмотря на страх, идем туда, куда должны идти. А идти должны мы только ко Христу. Это и следует говорить человеку в такой ситуации. Постараться сказать ему и сделать так, чтобы он почувствовал, что ты рядом.

— Не отрицать страх... А в какой момент стало страшно вам? Помните свой самый страшный день?

— Когда я узнал о болезни, я не испугался и даже как-то обрадовался. У меня было полное ощущение, что ко мне проявлена милость Божья. Ощущение удивительного вдохновения и Его близости. Что называется, дом в огне, Бог на пороге. Я почувствовал, что Бог как никогда близко, и в этом смысле было очень утешительно и совсем не страшно. А потом я привык, и это ощущение ушло... наверное, потому что оно и не может длиться долго. Кто я такой, чтобы с этим жить? Святые не могли удержать такое состояние, а я совсем не святой человек, скорее наоборот.

И я думаю, что здесь не без Промысла Божия. Господь отстранился, чтобы я не мнил о себе слишком много. Ведь это большой соблазн — подумать: вот, ты какой великий, ты стал так близок к Богу, тебе чуть ли не откровения какие-то будут посылаться. Я очень благодарен, что Он меня избавил от соблазна и дал возможность исправиться.

Ну а потом вернулось ощущение... обычной жизни с ее каждодневными трудностями. Понуждаю себя вставать на молитву. И если раньше во многом это понуждение облегчалось какими-то внешними мотивами, — например, обязательно нужно было прочитать молитвы, чтобы подготовиться к службе, — то сейчас ищу их только внутри. В общении с Богом, с людьми. Ну и хорошо, так и должно быть. Внутренняя мотивация — она дороже внешней. Вдохновение, видно, было Божиим подарком, данным на время. А может быть, я просто его утратил. Не удержал. Не знаю. Бог знает.

— Продолжите фразу: «Для меня болезнь — это...»

— Для меня это большая скорбь, большое испытание. (Думает.) И вызов Божий. И напоминание о важных, может быть, о самых важных вещах, о которых я постоянно забывал в будничной суете. О прекрасной жизни... Я люблю жизнь. И все, что с ней связано.

Вероника Словохотова

Как продолжать жить с онкологией

Автор: Admin

01.12.2020 10:16 - Обновлено 07.12.2020 13:26

<https://www.pravmir.ru>